

жизни заставляет рок-автора вставать на путь метафизического бунта против Бога, борясь за целостность своей личности, протестует против посягательств на нее. Эта борьба, мере выражается не столько не в стремлении одержать верх, сколько заставить уважать себя. Исходя из этого, становится понятным и обращение к теме демонического в рок-культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кьеркегор С. Страх и трепет // М.: Республика, 1993.
2. Камю А. Бунтующий человек // Харьков.: Фолио, 1998.
3. Кроули А. Книга закона // Пенза.: Алмазное сердце, Золотое сечение, 2005.
4. Шацкий Е. Утопия и традиция // М.: Прогресс, 1990.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. (1884-1888) // М.: Транспорт, 1995.

*Юлия Валерьевна ЮРТАЕВА —
аспирант кафедры философии*

УДК 111+130.1-3

ОНТОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА ЕГО КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА*

АННОТАЦИЯ. В статье разрабатывается онтология гуманитарного познания с позиции современной неклассической философии, анализируется культуротворческая функция гуманитарного познания. Делается вывод, что культуротворческий потенциал гуманитарного познания заключается в триедином процессе становления субъективности.

The author considers the ontology of cognition from the point of view of neoclassic philosophy and analyses its cultural potential that is the result of three different processes that shape the subject.

Традиционно философия науки с конца XIX века делит научное познание на две фундаментальные сферы: естественнонаучную и гуманитарную, с заметным преимуществом первой. И на то есть, по крайней мере, несколько причин. Во-первых, хронологически, становление естественных наук приходится на XVI — начало XVII вв., что примерно на три века опередило гуманитарные науки, придав естествознанию преимущество в определении предмета, методологии, содержательной специфики. Во-вторых, предмет и методологическая база естествознания предстает перед исследователем в более явной и завершенной форме, чем неявный, еще становящийся предмет гуманитарного познания. В-третьих, естествознание долгое время выступает синонимом науки как таковой, и поэтому отчетливо демонстрирует ее состояние: структуру, динамику, прогресс технологий, и т. д.

Однако благодаря культуроцентристской парадигме, формирующейся с конца XIX века в трудах В. Дильтея, Г. Зиммеля, А. Бергсона, Э. Гуссерля, А. Шпенглера, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Фуко, П. Рикера и др., и даже ранее, с работ Д. Вико, фундаментальность, предметность и методология социально-гуманитарных наук приобретают умозрительную «очевидность», придавая тем самым статусный паритет гуманитарному познанию в отношении естественнонаучного.

Задачей данной статьи является определение онтологии гуманитарного познания для последующего анализа его культуротворческой функции.

* Статья подготовлена при поддержке гранта для молодых ученых и аспирантов ТюмГУ 2005 года (№ 124-05)

Принимая во внимание взгляды исследователей последних двух столетий, можно заметить, что онтология гуманитарного познания заключается в его присутствии во всей сфере познания в целом, даже в естественной науке, в качестве имплицитных значений. Нет такой деятельности, в том числе и интеллектуальной, которая осуществлялась бы без участия в ней субъективности.

Отсюда следует, что в принципе все познание может быть интерпретировано как собственно гуманитарное. Развитие тех или иных наук зависит от нацеленности сознания субъекта на определенную предметность, от его методологической оформленности в качестве определенного типа рациональности, но в природе познания нет принципиального различия между естественной и гуманитарной науками.

В связи с этим необходимо выяснить, в чем именно заключается и через какие категории реализуется онтологическое преимущество гуманитарного познания. Прибегнем к своего рода герменевтическому кругу, о котором писал П. Рикер как о возвращении к «начальному состоянию системы» и ее исторической реконструкции.

Современная неклассическая философия демонстрирует то, что в ее парадигме отсутствует принципиальная дифференциация бытия сущего на сферы субъективного и объективного. Методологически, точка зрения в ней фокусируется на процессуальности субъект-субъектных отношений, обосновывая тем самым субъектоцентризм. Феноменологически проработанные онтологические концепции XX века: М. Хайдеггер, Н. Гартман, С. Франк, и, отчасти, М. Бахтин («К методологии гуманитарных наук»), теоретически подтверждают обоснованность данной тенденции современной научной парадигмы.

Как пишет Н. Гартман в работе «К основоположению онтологии», «Двойственность источников познания имеет свою причину в организации познания, т. е. в характере познающего субъекта, не в характере сущего; стало быть, и не в расщепленности сущего на вот-бытие и так-бытие» [1; 334]. И далее: «Сущее, насколько оно вообще вступает в отношение объекции, было и остается гомогенным. Вот-бытие и так-бытие в нем различны только по направлению и в рамках более масштабных контекстов бытия без остатка переходят друг в друга. Расщепленность привносит только характер в организацию нашего познания, ибо оно действительно раздвоено. Хотя оно не может привнести расщепленность в само сущее, ибо сущее — это сущее в себе и свободно от его власти, но пожалуй, может привнести ее в понятие сущего, которое оно себе создает. И таким образом оно на основе своей собственной расщепленности порождает видимость, будто расщеплено само сущее» [1; 334-335]. Из этого следует, что мир в его дифференциации на материальный и духовный воспринимается таким образом исходя из специфики сознания, а значит и процесс, и результат познания зависят от рефлексивной направленности познающего.

Таким образом, мир сознанию представляется в соотнесенности двух бытийственных моментов, называемых Н. Гартманом «положениями»:

- 1) «Вот-бытие познаваемо лишь *a posteriori*;
- 2) А *prìogì* познаваемо лишь так-бытие [1; 639]».

Это — простейший параллелизм: реальность постигается опытом, а идеальное бытие — умозрительно. Н. Гартман доказывает, что между обеими параллелями существует момент взаимного «наслоения» за счет объективации сущего. Объективация тем самым обуславливает переход априорного в апостериорное, делая его объективной реальностью. Переход апостериорного в априорное также возможен, но этом случае он оказывается зависимым от умозрительного. Момент зависимости объясняется тем, что их взаимопереход есть духовный акт, который изначально, онтологически усложнен собственной целью и оказы-

вает обратное воздействие на предмет. Это — тот кантовский случай, когда рефлексия изменяет процесс, являющийся ее предметом.

По тексту Гартмана, момент «наслоения» доказывается следующим соображением: «О так-бытии, таким образом, существует как априорное, так и апостериорное познание, о вот-бытии — только апостериорное. И наоборот: апостериорное познание существует как о так-бытии, так и о вот-бытии, априорное — только о так-бытии. В плане двойственности источников познания — а тем самым познаваемости вообще — сторона так-бытия, следовательно, имеет некоторое преимущество. Вот-бытие остается зависимым исключительно от апостериорного элемента» [1; 327-328]».

Момент «наслоения» обуславливает новое отношение способов бытия данных сфер к границам их соотношения. Реальность так-бытия познавательно, априорно, охватывает как саму себя, так и область реального вот-бытия, в то время как вот-бытие познавательно, апостериорно, охватывает только область вот-бытия.

Здесь имеет решающее значение процесс объективации: познание духа трансцендентально выходит в сферу реального вот-бытия, и, экзистенциально обогащенное внешним, снова переходит на уровень так-бытия, духовного пространства, в виде мыслительных операций, осмысления и т. д. Таким образом, реализуется концепция «Я-Другой», выражающаяся в специфике гуманитарного познания как диалогичной формы знания.

В апостериорном познании вот-бытия, соответствующего естественнонаучному познанию, объективация онтологически осуществляется, но познавательно, апостериорно, она остается на уровне вот-бытия, и увеличение результатов познания осуществляется прогрессивно, за счет технического развития опыта, практики. Этим, соответственно, определяется специфика естественнонаучного познания как монологичной формы знания.

Онтология гуманитарного познания является теоретической базой для обоснования его культуротворческого потенциала. Если исходить из предмета гуманитарного познания, а именно — из реальности духовного опыта человека в социокультурном измерении, то возникает вопрос: что представляет собой данный духовный опыт, и в чем состоит специфика его становления? Предполагается, что культуротворческий потенциал гуманитарного познания онтологически конституируется в процессе становления субъективности.

При раскрытии содержания становления субъективности обнаруживается проблема констатации наличия в ней той духовной основы, которая бытийствует в до-реальной, до-опытной, необъективированной форме. Речь идет об обозначенных Декартом «врожденных идеях», о гуссерлевском «чистом ego», эйдосе, который есть всеобщее, интуитивный смысл, фактически не обусловленный, «чистые понятия», предопределенные эйдосом, трансцендентное познание, об «*intentio obliqua*» Н. Гартмана, которая есть необъективированная часть психической реальности, обращенная сама на себя, о «нетекстовой реальности» М. Бахтина.

Но процесс становления субъективности не может реализоваться только необусловленно, иррационально, в виде «*intentio obliqua*» (используем термин Н. Гартмана). Формирование личной духовной сферы невозможно без рационального знания об этой сфере — необходима осмысленная редукция к общезначимой объективности, благодаря которой мир духа освобожден от трудностей непосредственного самосознания. Таким образом, в самой онтологии эссенциального бытия заложена экзистенция в мир «Другого». Чистого бытия духа человек не может осуществить, его можно констатировать только как непосредственную, себетождественную субъект-субъектную реальность. При попытке познания и осмысления данной реальности она есть уже объект, т. е. сама для себя трансценденция, выход вовне, в перспективу «Другого», что мож-

но распознать как субъект-объектную реальность в онтологии становления субъективности.

Но коль скоро мы рассмотрели онтологию становления субъективности в процессе метаисторического «движения» духовной практики от субъект-субъектной перспективы к субъект-объектной, то окончательное оформление субъективности конституируется перспективой объект-объектных отношений. Этим выходом к «чистому» объекту, духовного миру субъекта придается логически законченная целостность. Например, у Ж. Делеза общезначимое — то, что связывает форму объекта с субъективным: «В субъективном отношении общезначимый смысл связывает собой различные способности души и дифференцированные органы тела в совокупное единство, способное сказать «Я» [2; 110-111].

Неизбежная редукция локального жизненного мира субъекта к сфере универсалий заключена в процессе его формирования. Таким образом, к принципу имманентной объективности в онтологии духа приблизились философские взгляды и концепции Н. Гартмана, И. Ильина, Н. Бердяева, М. Бахтина. Например, И. Ильин, различая качественные характеристики души и духа, отмечает то, что в душе заложены «не-телесные» субъективные переживания, чувства, ощущения различного рода, воспоминания, соображения и состояния. Дух же — это те состояния, которые есть высшее и безусловное в возможности. «Дух — это то, что объективно значительно в душе [3; 13]». И человек, живя в духе, живет именно этими, объективно значительными состояниями сознания. Это создание в себе уровня духовной, внутренней жизни. Это высшее — и как объективная мера для всего остального, и как главный, надличностный предмет и для себя, и для других. Субъективные, личностные переживания, ощущения и интересы здесь не столь значимы, второстепенны, надличностная сфера в пределе дана уже в самом духе.

Таким образом, перспектива «Я — Другой», содержательно и методологически соответствующая специфике гуманитарного познания в целом, в онтологии становления субъективности выводит на объективность, которая означает перспективу надличностной, общечеловеческой меры для духовного мира субъекта. Это — объективно и общечеловечески значимое содержание жизненного мира, что можно конституировать как объект-объектную реальность в онтологии становления субъективного духа (в терминологии П. Рикера — «освобождение от примата субъективности»).

В итоге культуротворческий потенциал гуманитарного познания онтологически может быть определен становящимся триединым бытием субъективности (континуумом трехуровневой организации):

1. феноменология субъективности как иррациональное, «несказанное» формирование жизненного мира в перспективе субъект-субъектных отношений;

2. Онтологическая реализация «Я-Другой» как формирование самопознания посредством экзистенциального диалога в перспективе субъект-объектных отношений;

3. Феноменология субъективности, представляющая наличную реальность для индивидуальной жизненной активности в перспективе объект-объектных отношений, заявляет о себе как о рациональном осмыслении, смыслополагании, содержащем общезначимые, надличностные ценности. Содержательно она представляет собой рационально осознанный спектр жизненного мира субъекта в перспективе универсальных смыслов и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю. В. Медведева. Под ред. Д. В. Скляднева. СПб: Наука, 2003. 639 с.
2. Делез Ж. Логика смысла // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum* / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Раритет; Деловая книга, 1998. 469 с.

3. Ильин И. А. Религиозный смысл философии / И. А. Ильин. М.: АСТ, 2003.
4. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с., С. 227-231.
5. Караченцева Т. С. «Автор и герой...» М. М. Бахтина: текст и контекст (Литература и философия в эстетическом дискурсе) // Научный журнал «Протей», №0, 2006 г. С. 57-69.
6. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / под ред. Степина В. С., Автономовой Н. С., Мотрошиловой Н. В. М.: Academia, 1995. 159 с.

*Сергей Васильевич КРАМАРУК —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

КИСТЯКОВСКИЙ О СОЦИАЛИЗМЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме права как социального явления с точки зрения Б. А. Кистяковского, который придерживался позиции антропоцентризма. Изучение права как социального явления позволило Б. А. Кистяковскому найти точку соприкосновения права как сферы этических ценностей, с одной стороны, и права как культурного блага — с другой.

The author considers works of B. A. Kistyakovsky who being a confirmed anthropologist tackled law as a social phenomenon that allowed him correlating law as a sphere of ethical values and law as a cultural virtue.

Идеалистическая позиция Б. А. Кистяковского оформилась ввиду осознания им необходимости аналитически осмыслить подлинное научное значение социальных наук и науки о праве. Он полагал, что успехи социологии в XIX в. были по своему вдохновляющими: накоплена масса научно обработанных данных, обобщающая социологическая точка зрения соприкоснулась с рядом традиционных дисциплин — правоведением, историей, политической экономией и т. п., созданы сложные концепции — органицизм, психологизм и марксизм. Но методологическая ориентация науки о праве на совокупность гуманитарных наук, по мнению Кистяковского, была осуществима «только при посредстве как аналитической и критической проверки, так и того объединяющего разрозненное научное знание синтеза, которые даются философией вообще и философией культуры в частности» [1]. Именно философия культуры, по мнению Кистяковского, способна объединить гуманитарные науки в цельную систему научного знания.

Свою методологическую программу Кистяковский четко изложил в крупной работе «Общество и личность», высоко оцененной Г. Зиммелем и В. Виндельбандом. Перспективу данной программы ученый усматривал в увеличении научного потенциала социологии. Отрицая возможность нахождения руководящих методологических принципов на основе идеи о данности знания, о праве в известных фактах общественной жизни, ученый придерживался неокантианской методологии.

После знаменитого разгрома Московского университета, когда более ста преподавателей покинули кафедры в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, Кистяковский, как сторонник идей интеллектуального либерализма, присоединился к ним. Редактируя высокопрестижный среди специалистов журнал «Юридический вестник», Кистяковский обсуждал многие проблемы социологии. Практические интересы социальной политики он отразил в своей магистерской диссертации, которая сразу обратила на себя внимание прессы и научной критики. Диссертация представляла собой попытку соединить всю мно-